

**Задания муниципального этапа
Всероссийской олимпиады школьников по литературе
2017/2018 учебный год**

10 класс

Время выполнения - 5 часов (300 минут)

I. Аналитическое задание. Дайте целостный анализ ОДНОГО текста – прозаического ИЛИ лирического.

1. Проанализируйте рассказ В.М. Шукшина «Артист Федор Грай». Как сталкиваются в этом рассказе истинное и ложное представление об искусстве?

Сельский кузнец Федор Грай играл в драмкружке "про" людей.

Когда он выходил на клубную сцену, он заметно бледнел и говорил так тихо, что даже первые ряды плохо слышали. От напряжения у него под рубашкой вспухали тугие бугры мышц. Прежде чем сказать реплику, он долго смотрел на партнера, и была в этом взгляде такая неподдельная вера в происходящее, что зрители смеялись, а иногда даже хлопали ему.

Руководитель драмкружка, суетливый малый с конопатым неинтересным лицом, на репетициях кричал на Федора, произносил всякие ехидные слова – заставлял говорить громче. Федор тяжело переносил этот крик, много думал над ролью... А когда выходил на сцену, все повторялось: Федор говорил негромко и смотрел на партнеров исподлобья. Режиссер за кулисами кусал губы и громко шептал:

– Верстак... Наковальня...

Когда Федор, отыграв свое, уходил со сцены, режиссер набрасывался на него и шипел, как разгневанный гусак:

– Где у тебя язык? Ну-ка покажи язык!.. Ведь он же у тебя...

Федор слушал и смотрел в сторону. Он не любил этого выюна, но считал, что понимает в искусстве меньше его... И терпел. Только один раз он вышел из себя.

– Где у тебя язык?.. – накинулся, по обыкновению, режиссер. Федор взял его за грудь и так встряхнул, что у того глаза на лоб полезли.

– Больше не ори на меня, – негромко сказал Федор и отпустил режиссера.

Бледный руководитель не сразу обрел дар речи.

– Во-первых, я не ору, – сказал он, заикаясь. – Во-вторых, если не нравится здесь, можешь уходить. Тоже мне... герой-любовник.

– Еще вякни раз. – Федор смотрел на руководителя, как на партнера по сцене.

Тот не выдержал этого взгляда, пожал плечами и ушел. Больше он не кричал на Федора.

– А погромче, чуть погромче нельзя? – просил он на репетициях и смотрел на кузнеца с почтительным удивлением и интересом.

Федор старался говорить громче.

Отец Федора, Емельян Спиридоныч, один раз пришел в клуб посмотреть сына. Посмотрел и ушел, никому не сказав ни слова. А дома во время ужина ласково взглянул на сына и сказал:

– Хорошо играешь.

Федор слегка покраснел.

– Пьес хороших нету... Можно бы сыграть, – сказал он негромко.

Тяжело было произносить на сцене слова вроде: "сельхознаука", "незамедлительно", "в сущности говоря"... и т. п. Но еще труднее, просто невыносимо трудно и тошно было говорить всякие "чаво", "куды", "евон", "ейный"... А режиссер требовал, чтобы говорил так, когда речь шла о "простых" людях.

– Ты же простой парень! – взволнованно объяснял он. – А как говорят простые люди?

Еще задолго до того, когда нужно было произносить какое-нибудь "теперича", Федор, на беду свою, чувствовал его впереди, всячески готовился не промямлить, не "съесть" его, но когда подходило время произносить это "теперича", он просто шептал его себе под нос и краснел. Было ужасно стыдно.

– Стоп! – взвизгивал режиссер. – Я не слышал, что было сказано. Нести же надо слово! Еще раз. Активнее!

– Я не могу, – говорил Федор.

– Что не могу?

– Какое-то дурацкое слово... Кто так говорит?

– Да во-от же! Боже ты мой!.. – Режиссер вскакивал и совал ему под нос пьесу. – Видишь? Как тут говорят? Наверно, умнее тебя писал человек. "Так не говорят"... Это же художественный образ! Актер!..

Федор переживал неудачи как личное горе: мрачнел, замыкался, днем с ожесточением работал в кузнице, а вечером шел в клуб на репетицию.

... Готовились к межрайонному смотру художественной самодеятельности.

Режиссер крутился волчком, метался по сцене, показывая, как надо играть тот или иной "художественный образ".

– Да не так же!.. Боже ты мой! – кричал он, подлетая к Федору. – Не верю! Вот смотри. – Он надвигал на глаза кепку, засовывал руки в карманы и входил развязной походкой в "кабинет председателя колхоза". Лицо у него делалось на редкость тупое.

– "Нам, то есть молодежи нашего села, Иван Петрович, необходимо нужен клуб... Чаво?"

Все вокруг смеялись и смотрели на режиссера с восхищением. Выдает!

А Федора охватывала глухая злоба и отчаяние. То, что делал режиссер, было, конечно, смешно, но совсем неверно. Федор не умел только этого сказать.

А режиссер, очень довольный произведенным эффектом, но всячески скрывая это, говорил деловым тоном:

– Вот так примерно, старик. Можешь делать по-своему. Копировать меня не надо. Но мне важен общий рисунок. Понимаешь?

Режиссер хотел на этом смотре широко доказать, на что он способен. В своем районе его считали очень талантливым.

Федору же за все его режиссерские дешевые выходки хо дать ему в лоб, вообще выкинуть его отсюда. Он играл все равно по-своему. Раза два он перехватил взгляд режиссера, когда тот смотрел на других участников, обращая их внимание на игру Федора: он с наигранным страданием закатывал глаза и разводил руками, как бы желал сказать: "Ну, тут даже я бессилён".

В этой пьесе по ходу действия Федор должен был приходиться к председателю колхоза, махровому бюрократу и волокитчику, и требовать, чтобы тот начал строительство клуба в деревне. Пьесу написал местный автор и, используя свое "знание жизни", сверх всякой меры наспиговал ее "народной речью": "чаво", "туды", "сюды" так и сыпались из уст действующих лиц. Роль Федора сводилась, в сущности, к позиции жалкого просителя, который говорил бесцветным, вялым языком и уходил ни с чем. Федор презирал человека, которого играл.

Наступил страшный день смотра.

В клубе было битком набито. В переднем ряду сидела мандатная комиссия.

Режиссер в репетиционной комнате умолял актеров:

– Голубчики, только не волнуйтесь! Все будет хорошо... Вот увидите: все будет отлично.

Федор сидел в сторонке, в углу, курил.

Перед самым началом режиссер подлетел к нему.

– Забудем все наши споры... Умоляю: погромче. Больше ничего не требуется...

– Пошел ты!.. – холодно вскипел Федор. Он уже не мог больше выносить этой бессовестной пустоты и фальши в человеке. Она бесила его.

Режиссер испуганно посмотрел на него и отбежал к другим.

– ... Я уже не могу... – услышал Федор его слова.

Всякий раз, выходя на сцену, Федор чувствовал себя очень плохо: как будто проваливался в большую гулкую яму. Он слушал стук собственного сердца. В груди становилось горячо и больно.

И на этот раз, ожидая за дверью сигнала "пошел", Федор почувствовал, как в груди начинает горячо подмывать.

В самый последний момент он увидел взволнованное лицо режиссера. Тот беззвучно показывал губами: "громче". Это решило все. Федор как-то странно вдруг успокоился, смело и просто ступил на залитую светом сцену.

Перед ним сидел лысый бюрократ-председатель. Первые слова Федора по пьесе были: "Здравствуйте, Иван Петрович. А я все насчет клуба, ххе... Поймите, Иван Петрович, молодежь нашего села..." На что Иван Петрович, бросая телефон трубку, кричал: "Да не до клуба мне сейчас! Посевная срывается!"

Федор прошел к столу председателя, сел на стул.

– Когда клуб будет? – глухо спросил он.

Суфлер в своей будке громко зашептал:

– "Здравствуйте, Иван Петрович! Здравствуйте, Иван Петрович! А я все насчет..."

Федор ухом не повел.

– Когда клуб будет, я спрашиваю? – повторил он свой вопрос, прямо глядя в глаза партнеру; тот растерялся.

– Когда будет, тогда и будет, – буркнул он. – Не до клуба сейчас.

– Как это не до клуба?

– Как, как!.. Так. Чего ты?.. Явился тут – царь Горох! – Партнера тоже уже понесло направо. – Невелика птица – без клуба поживешь.

Федор положил тяжелую руку на председательские бумажки.

– Будет клуб или нет?!

– Не ори! Я тоже орать умею.

– Наше комсомольское собрание постановило... Наше комсомольское собрание постановило... – с отчаянием повторял суфлер.

– Вот что... – Федор встал. – Если вы думаете, что мы по старинке жить будем, то вы сильно ошибаетесь! Не вый! – Голос Федора зазвучал крепко и чисто. – Зарубите это себе на носу, председатель. Сами можете киснуть на печке с бабой, а нам нужен клуб. Мы его заработали. Нам библиотека тоже нужна! Моду взяли бумажками отбояриваться... Я их видеть не хочу, эти бумажки! И дураком жить тоже не хочу!

Суфлер молчал и с интересом наблюдал за разворачивающейся сценой.

Режиссер корчился за кулисами.

– Чего ты кричишь тут? – пытался остановить председатель Федора, но остановить его было невозможно; он незаметно для себя перешел на "ты" с председателем.

– Сидишь тут, как... ворона, глазами хлопаешь. Давно бы уже все было, если бы не такие вот... Сундук старорежимный! Пуп земли... Ты ноль без палочки – один-то, вот кто. А ломаешься, как дешевый пряник. Душу из тебя вытрясу, если клуб не построишь! – Федор ходил по кабинету – сильный, собранный, резкий. Глаза его сверкали гневом. Он был прекрасен.

В зале стояла тишина.

-- Запомни мое слово: не начнешь строить клуб, поеду в район, в край... к черту на рога, но я тебя допеку. Ты у меня худой будешь...

– Выйди отсюда моментально! – взорвался председатель.

– Будет клуб или нет?

Председатель мучительно соображал, как быть. Он понимал, что Федор не выйдет отсюда, пока не добьется своего.

– Я подумаю.

– Завтра подумаешь. Будет клуб?

– Ладно.

– Что ладно?

– Будет вам клуб. Что ты делаешь вообще-то?.. – Председатель с тоской огляделся – искал режиссера, хотел что-нибудь понять во всей этой тяжелой истории.

В зале засмеялись.

– Вот это другой разговор. Так всегда и отвечай. – Федор встал и пошел со сцены. – До свиданья. Спасибо за клуб!

В зале дружно захлопали.

Федор, ни на кого не глядя, прошел в актерскую комнату и стал переодеваться.

– Что ты натворил? – печально спросил его режиссер.

– Что? Не по-твоему? Ничего... Переживешь. Выйди вот – я штаны переодевать буду. Я стесняюсь тебя.

Федор переоделся и вышел из клуба, крепко хлопнув на прощанье дверью. Он решил порвать с искусством.

Через три дня сообщили результаты смотра: первое место среди участников художественной самодеятельности двадцати районов края завоевал кузнец Федор Грай.

- Кхм... Может, еще какой Федор Грай есть? – усомнился отец Федора.
– Нет. Я один Федор Грай, – тихо сказал Федор и побагровел. – А может, еще есть... Не знаю.

2. Проанализируйте стихотворение Н.С. Гумилева «Слоненок». В чем необычность центрального образа-метафоры стихотворения? Какое представление о любви выражено посредством этого образа?

Моя любовь к тебе сейчас - слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных -
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахару или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам, и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

Максимальный балл-70

II. Творческое задание.

Опишите пресс-конференцию, в которой мог бы участвовать известный вам русский писатель XIX-XX веков. Какие бы вопросы, по вашему мнению, могли быть ему заданы, и какие бы ответы он мог дать? Необходимо учитывать то, что вы знаете о биографии и характере творчества писателя.

Максимальный балл-30

Максимальный общий балл за работу-100 баллов